

ности подобному идеалу являла для русских XVIII в. действительность самого Петра I. В служении долгу личность обретала возможности самоутверждения. Такое осмысление проблемы фиксирует русская литература XVIII в., и соответственно для осознания трагической несовместимости интересов личности и общества историческая ситуация в России той эпохи еще не созрела. Сумароков не мог перешагнуть сознание своего времени, и изображение непримиримости конфликта между долгом и страстью героев как источника драматических коллизий в его ранних трагедиях оставалось в сущности голой заявкой, не дававшей возможности делать обобщения в общечеловеческом масштабе. И сопоставляя трагедии Сумарокова в этом плане только с трагедиями французских драматургов (как это обычно делалось), мы практически не можем уловить истинной функции любовных перипетий, как они предстают в ранних пьесах русского драматурга, ибо их смысл становится понятным лишь в контексте литературного сознания той эпохи, в частности на фоне русской драматургии и беллетристики 1720—1740-х годов.

Проблема любовного чувства, тема верности в любви, налагающей на человека определенные обязанности, и как следствие возникновение на этой почве конфликтных ситуаций — все это не только не было для драматургии петровской эпохи новостью, но составляло одну из важнейших сторон содержания русской литературы первой четверти XVIII в. В научной литературе даже возникло понятие «сентиментализма петровской эпохи». Драматургией эта проблема была унаследована от повествовательных источников. Выше мы уже характеризовали в общих чертах эту особенность драматургии досумароковского театра и указывали на связь ее со своеобразным расцветом в этот период любовной лирики. Известно, что сам Сумароков, будучи воспитанником Кадетского корпуса, увлекался сочинением любовных песенок, которые имели в кругах образованной петербургской молодежи несомненный успех.

Можно, по-видимому, предположить, что восприятие Сумароковым сущности трагических коллизий в пьесах французских авторов, например того же Расина, протекало под воздействием той волны сентиментальной чувствительности и нового светского «политеса» как нормы отношений между мужчиной и женщиной, которые были завещаны 1730—1740-м годам литературой и всем комплексом культурных нововведений (к примеру, известные «ассамблеи») петровского времени.

Вот, к примеру, в «Комедии о Сарпиде, дуксе Ассирийском» (1720-е годы) героиня тоскует о возлюбленном, которому грозит опасность:

О драгий мой Орест, друже прелюбезнейший;
Чаю, что не слышит сердце твое совет злейший,
Аз же пребедная не могу ти гласа подати: